

«Какой праздник?! В Доме Поэта — нищета и склоки. Перед ним — крики у ларьков. По святой набережной режут машины. Круглосуточная какофония. Дышать нечем. Везде собачье дерьмо, дым от костров, мусор с мазутом. Кто спасёт Коктебель?»

Известия-2003-23 июля-с.9

Олег ОСЕТИНСКИЙ

А лягушки здесь невкусные

Зачем вот раньше москвичи ездили в тот тихий Коктебель, где экскурсоводы ходили в веночках из полыни, на катерах читали стихи Волошина, а по ночам пляж с голыми купальщицами вдруг освещался ослепительным прожектором погранцов? Ездили за сердоликами, за прогулками в бухты разные, на могилу Волошина и за чабрецом с Карадага, за трепетом поэзии в старых салонах с макраме — за просветлением, однако.

Нынче веночков не носят, погранцы электричество экономят, и ночь на гравийном пляже без сердоликов — криклива и грязна. К тому же нынче в Коктебеле победил оригинальный принцип застройки — с набережной моря не должно быть видно! Шуршание волн? Ха-ха! С утра на вас пикирует какофония адской «музыки» — кто громче! К тому же приехавшие починить свои бронхи, рискуют задохнуться — нет, не бризом с моря, а мазутным дымом от горящих отбросов. По улице Десантников пьяные безумцы носятся на скорости 100 км в час — хуже талибов! От прежнего Коктебеля осталось только призывное кваканье лягушек, их стало даже больше, но одна туристка мне разъяснила: «Нет, коkteбeльcкue лягушки еcть нeльзя, вы что! В рeчку cливаетe cами знaтe, чтo!..» На пляже пьют пиво «Черниговское», бьют бутылки и лезут за семечки — а-ля 1917 год в Петрограде. А вечерами из кафе несется пьяный сытый мат...

Это времечко Волошин предрёк давно: «Он в день седьмой был мною сотворен, / сказал Господь. Все жизни отправленя / в нём дивно согласованы. Лишен / сознания — он весь пищеваренье!»

Чудесный садовник

Три тысячи лет назад здесь была Киммерия. 700 лет назад — венецианская гавань. Потом Мамай и турки — долго, кроваво и скучно. В 1820-м мимо проплыл Пушкин, сделал небрежный набросок скалы «Парус» — и обессмертил место. А уж потом приехал сюда некий молодой поэт, полукказ-полунемец Макс Волошин, удрученный трагической развязкой любви к художнице Маргарите Сабашниковой. И неожиданно на обрыве Карадага узрел свой гигантский профиль! Раз профиль высечен — куда деваться! 100 лет назад Волошин возвёл в сём аномальном месте, где отклоняются стрелки всех компасов, свою башню. Поставил в ней бюст египетской царицы Таихах — и в 1926-м написал знаменитые строки: «Войди, мой гость, Стряхни житейский прах, и плесень дум у моего порога. Со дня веков тебя приветит строго Огромный лик царицы Таихах». И началось! Прогрессивный сад искусства цвёл по полной. Гигант-флегматик «семи пудов мужской красоты» (М. Цветаева) оказался чудесным садовником. «Это не музей, — писал А. Белый, — а дыхание жизни. Это крупнейший центр культуры не только России, но и Европы...»

Волошин был революционером и в поэзии, и во вкусах, жил в стиле Верлена. Цветаева смеялась над его венчиком из полыни от клопов, его первобытным хитомом (околопозные дамы бурно обсуждали — есть под ним штаны или нет?). Кстати, знаете ли вы, что Волошин — дедушка русского нудизма? Его гости купались и читали стихи на пляже — в совершенном виде! Естественно, в 30-е годы обыватели категориче-

ски требовали выселить Волошина из поселка. Зачинателем кампании была г-жа Дейша-Сионицкая, артистка Императорских театров, — она выходила на пляж только в строгом костюме с веером, иногда оголяя одну пятку. То ещё было времечко! Но, знаете, — сегодняшний местный люд все так же ворчит, называет Волошина недорезанным буржуем, бабником и пьяницей.

«Душа моя отравлена»

Единственным великим директором дома-музея Волошина был Владимир Купченко, которому мы обязаны спасением дома и созданием его фондов. Купченко — святой человек, автор множества трудов о Волошине, в том числе «Летописи жизни М. Волошина». Сегодня Купченко — герой, ему рукоплещут во всём мире. И как же поступили командующие культурой сволочи с этим подвижником? Травили, давили через КГБ, устроили суд. Купченко пишет: «В Крыму меня перестали печатать даже районные газеты... Рукопись книги, дневник и почти все остальное изъятые мне вернули только в 1989 году... 23 года — лучших! — прошли в Коктебеле. Во сне я часто вижу Дом и Коктебель... Но вернуться страшно — любимый пейзаж как будто отравлен». А вот мерзавцы, травившие его, поживают в Коктебеле — преспокойненько.

После Купченко было пять директоров. Последней уволена г-жа Сазонова. Вот фрагмент её интервью: «Я перекрыла пути хищения денег, выгнала кассира, предъявляла требования КЗОА людям, которые годами считали, что музей — это их личная собственность. Они устроили мне травлю». Цитирую писательницу Т.С. Шевченко, работавшую в музее: «Существовал союз кассирши, Н. Мирошниченко и смотрителя — деньги за вход в музей брали, а билетов не давали... Н. Мирошниченко тайно подключала к нашему электрическому щиту бары и кафе. Как вы думаете, в чьём кармане оседали наличные? А потом музей отключали — за перерасход энергии! Мирошниченко постоянно была в командировках: Киев, Париж и т.д. ... Я считаю, что такой человек не имеет морального права быть директором дома Поэта». М-да... Кто же эта г-жа Мирошниченко? Мне ответили — директор музея и сегодня. Любимица министра культуры Крыма. Научной степени не имеет, но её милость — мягкий голос — сильное оружие. О стиле работы судите сами. Однажды сотрудница музея И. Коновалова хотела читать в кафе «Богема» стихи Волошина. Мирошниченко заявила: без утверждения сценария лично мной — нельзя! Все присутствующие остолбенели. Такого не было и в 37-м! Другой дева-хуе-экскурсоводу Мирошниченко запретила ходить на работу в брючном костюме. И та, давась слезами, прошептала: «Скоро и дышать нельзя будет без её разрешения! Единственное, чего она не сможет мне запретить — ночью под одеялом я буду мечтать об одном, что когда-нибудь она...»

Да, дом Волошина сейчас находится в жалком состоянии. Но, пожалуй, страшнее другое — взаимная травля и непонимание накалили атмосферу в музее до предела. Есть люди, которым работать здесь противопоказано. Цитирую Т.С. Шевченко — вот что она переписала из «книги отзывов: «Из уважения к памяти Волошина... нельзя допускать на порог этого дома таких экскурсоводов, которые не любят людей и никого не

Кто спасёт

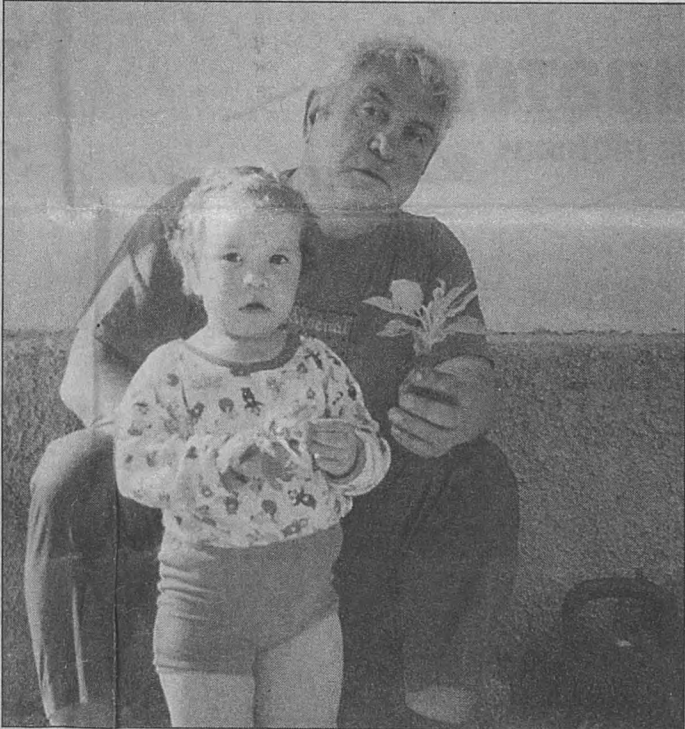

Любовь Сорокина готовится к дню рождения Волошина

Коктебель

Борис Полетавкин: все отремонтируем, все построим!

Слава Ложко с дочкой и цветочками. Стихи — отдельно

уважают». 09. 2002 г. Борисенкова». Таинственным образом эта книга отзывов исчезла... М-да!

Голубые города Казарина

И, вздохнув, я позвонил вице-премьеру Крыма Владимиру Казарину. И, несмотря на колоссальную загруженность, удивительный этот Казарин примчался сразу. Вот диалог:

О.О.: Как вы собираетесь всемирно отмечать 100-летие Дома Волошина? Музею нужны ремонт, большие деньги. И директор — настоящий лидер.

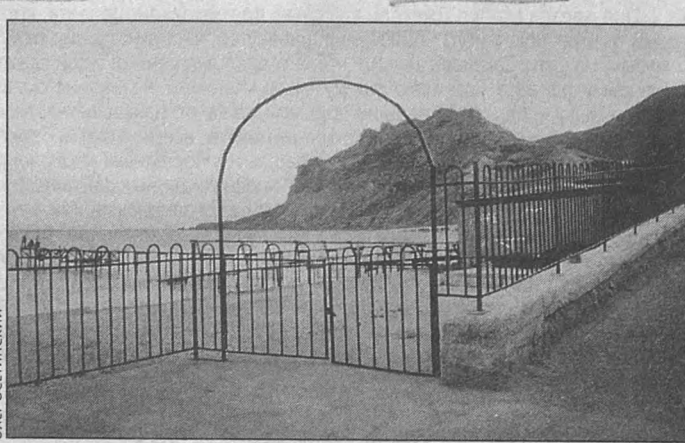
В.К. (улыбаясь): Волошин завещал свой дом российским писателям. Не только Крым — и Россия должна заботиться о нем. Но вообще... сейчас все это мелочил! Случилось чудо! В Крыму наконец создан великий центр русской культуры — Коктебелский республиканский историко-эколого-культурный заповедник «Киммерия М.А. Волошина». Тут все объединилось: Дом Волошина в Коктебеле, музей М. Цветаевой в Феодосии, музей А. Грина и литературно-художественный музей в Старом Крыму, памятники и многое другое. Теперь нужна реэкспозиция музеев с использованием идей и технологий, применяемых в мировой практике. Для поддержки проекта нужен международный конкурс с участием ведущих художников, архитекторов, строителей из России, Европы и Америки. Это проект мирового уровня! Где ваши московские олигархи? Вложить 10 миллионов

баксов — и получить отдачу в сто! И — славу в России!

О.О.: Если вы создали Заповедник, то почему же дом Волошина в таком чудовищном, катастрофическом состоянии?

В.К.: Потому что ещё не определены охранные зоны. Но всё решится быстро! Мы уже нашли кандидатуру на пост директора Заповедника — Борис Полетавкин, потрясающий человек! Он начинает действовать буквально с завтрашнего дня! Вы всё увидите! Но Россия должна нам помочь. И все будет к сентябрю о'кей!

И, просияв ядерной улыбкой, невероятный Казарин стремительно исчез. Обомлев от такого размаха — и ничему не поверив! — пошёл я знакомиться с Полетавкиным. Сначала удивился — бывший функционер КПСС, второй секретарь горкома. Потом восхитился — дом нищий, «жигули» старый, сам порядочен до безразличности. Потом влюбился — он музыкант! Преподавал, играет на семи инструментах, безумно любит Волошина и Цветаеву. И — понимает. Тут я засиял. И вдруг дошло: да ведь он честен — абсолютно! И тут я испугался и позвонил Сазоновой. «Как вы считаете, Полетавкин удержится — или его съедят те же господа, которые съели вас?..» «Съедят, — тихо сказала Сазонова. — Однозначно...» Я содрогнулся — и опять не поверил. И отправился на набережную. Она оглушила меня рэпом и запахами. Рядом, при унылом молодом татарине, понору стоял ослик. Малыш, одной ножкой в зловонной жиже, которая

Море и профиль Волошина — за решетками

вытекала из туалетов в саду Волошина, радостно кормил ослика конфеткой. Я вдруг увидел реальность — в реальном свете. И закрыл глаза. Да, г-н Казарин, у вас все получится, может, и так, но кто же сюда приедет?! И я написал и расклеил объявление: «КОКТЕБЕЛЬ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ? Встреча молодых бизнесменов с мэром Коктебеля». И, расклеив, позвонил голове, мэру Коктебеля — и сказал ему тихо и злое: «Алексей Николаевич! Придете или испугаетесь?» Невидимый мне Булыга хмыкнул: «Не боюсь я ничего! Вот возьму и приду».

Вонять не будет!

И 30 мая А.Н. Булыга пришел в кафе «Богема». Несмотря на грозную фамилию оказался он махоньким, лукавым и обаятельным — недаром жители выбрали его головой в четвертый раз!.. Я произнес пламенную речь:

— Вот вы жалуетесь, что москвичи не едут! Но они уже видели Турцию и хотят чистоты, вкусной и недорогой пищи — и тишины! А море? Ни на одном курорте мира набережная не закрыта — даже в Феодосии! У вас же есть проект полного переноса зданий с левой стороны набережной на правую — тогда откроется удивительный вид. И тогда к вам поедут серьезные люди! Если вонять не будет! Суммируя трехчасовой разговор — вопли, крики! — Булыга покился:

— Летом вонять не будет, ЖБО будут вывозить три фирмы. Да, у нас есть план реконструкции набережной, но нужно иметь согласие большого руководства, а оно — медлит. Но сомнений нет — эти бары будут снесены. Грохот? Мы приобрели приборы для измерения уровня шумов. За лишние децибелы будут страшные штрафы — до 7000 гривен. На помощь милиции приедут 30 курсантов Юридической академии. На улицах будет установлено ещё 50 фонарей. Костры я же больше не дам. Собачье дерьмо будет убираться быстро. Ни одного киоска на набережной не будет и ни одной машины! На улице Десантников установлю «лежачего полицейского» — да у сл о в о! Короче: в Коктебеле будет рай! Даю слово! Вопросы есть? Воцарилась гробовая тишина. Официант проглотил ложку. Одна туристка смахнула слезу. И вдруг прорвало — даже бизнес хлопал... А на выходе Булыга коварно улыбнулся: «Я вот пришёл. А вот вы — вы в Новый Коктебель ходили? А в «Голубой залив»? Эх, Евгений! А вы пойдите, взгляните честно, без старческой ностальгии!»

«Голубой залив», или Островки счастья

И, перейдя мостик с лягушками, я с большим скепсисом вошел в зону пансионата «Голубой залив» — и не поверил глазам! Тишина, чистота, море цветов. Прошел в новый корпус — евроремонт, и какой! Путьки вполне доступны — от 74 до 90 гривен в сутки. Попробовал еду — вполне. Линия продажи курортных товаров — на европейском уровне. Директор К.И. Зеленский содержит на свои средства хор и артистов — 30 человек. И ещё он дал практически бесплатно приют удивительному заведению: безалкогольному кафе «Богема».

Сюда уже едут все — от БГ до высоких чиновников. Хозяйка «Богемы» Ирина повесила гениальное меню: «Кухня без алкоголя, музыка классическая, тихая». Заходишь — и никто не смотрит пьяным взором. Любый может здесь спеть, сыграть и что-то рассказать. Чудная атмосфера — свобода, уют и уважение.

Выхожу из «Богемы» и вдруг — стена исписана стихами! А на пороге — улыбающийся богатырь.

Поэт Возрождения

Тридцать лет назад любой житель Коктебеля при слове «Ложко» бежал куда подальше. Человек чудовищной силы, с обостренным чувством собственного достоинства, упрямый Слава Ложко не боялся никого, нигде и никогда. И по этим причинам пришлось Славе отпираться в то самое место, от которого не зарекаюсь, много раз. И быть бы ему заурядным бандитом, но — трагически погиб его сын.

И Ложко з а д у м а л с я. Стал помогать людям. Жертвовать на церковь. Родил дочку. Переименовал улицы Коктебеля в честь поэтов (сам живет на улице Цветаевой). Стал депутатом. Начал писать стихи. И выпустил 17 (!) книжек — по числу лет в тюрьме...

Как народ сегодня с трудом постигает азы смысла жизни — так Ложко упрямо постигает законы поэтики. Он — язычник! Жизнелюб: «Пей вино, крепко женщин люби,

Отдавайся поэзии страстно. Меньших братьев желей, Никому не груби — И на этой Земле проживешь не напрасно». Но ему не чужды и социальные мотивы: «Откуда столько зла В родном народе, И раздражение, как нерв, дрожит?» Разумеется, он понимает свое место в поэзии — с горечью: «Нет, не показала муза мне лица, Поманила, подняла и убежала. Не в обиде я, знать, время не пришло, Не стало время откровенья».

Сегодня Ложко строит — пока на свои деньги — Центр «Возрождение». Как бы в развитие Дома Волошина — уже для новой генерации поэтов. Центр возрождения самого себя, возрождения Планерского, возрождения ауры творчества и свободы. «В центре для писателей будет всё, — сказал мне Слава. — Но только для хороших!»

Взгляд с пирса

Рано утром я иду на пирс — попрощаться, подышать бризом. Смотрю... Да, ещё стоят на месте три горы — Кок-Кая, Сюрю-Кая, Святая гора. Различима башня дома поэта. Со стыдом и болью думаю о Купченко — как же нужно было обидеть человека, если он боится вернуться. Неужели не призвует Купченко? Он один бы поднал музей!..

И — с горечью понимаю: да, того Коктебеля больше нет. Новые люди поют новые песни: «Не звезд хотим, а лампочек, и не богинь, — а лалочек!»

Новая жизнь нового Коктебеля пока оскорбляет наш вкус. Но ведь вот г-жа Мирошниченко отъехала в Киев — и удалось провести первый в Доме Поэта волный вечер поэзии — без сценария и указаний, как дышать.

И вообще — экскурсоводы вот объясняют, что Карадаг — потухший вулкан. Но одни вулканы потухают — а другие просто спят. И, может быть, всё ещё пробудится? Разум. Канализация. Поэзия.

Ведь профиль, освещивший это место, ещё виден — пока...

Эпилог невероятный — по-русски

Так, без особого оптимизма, писал я в конце мая. И вернулся 5 июля — тоже без иллюзий. Но, господа, должен честно признать: здесь ч у д о свершилось, чудо немислимое! И — фантастически реальное.

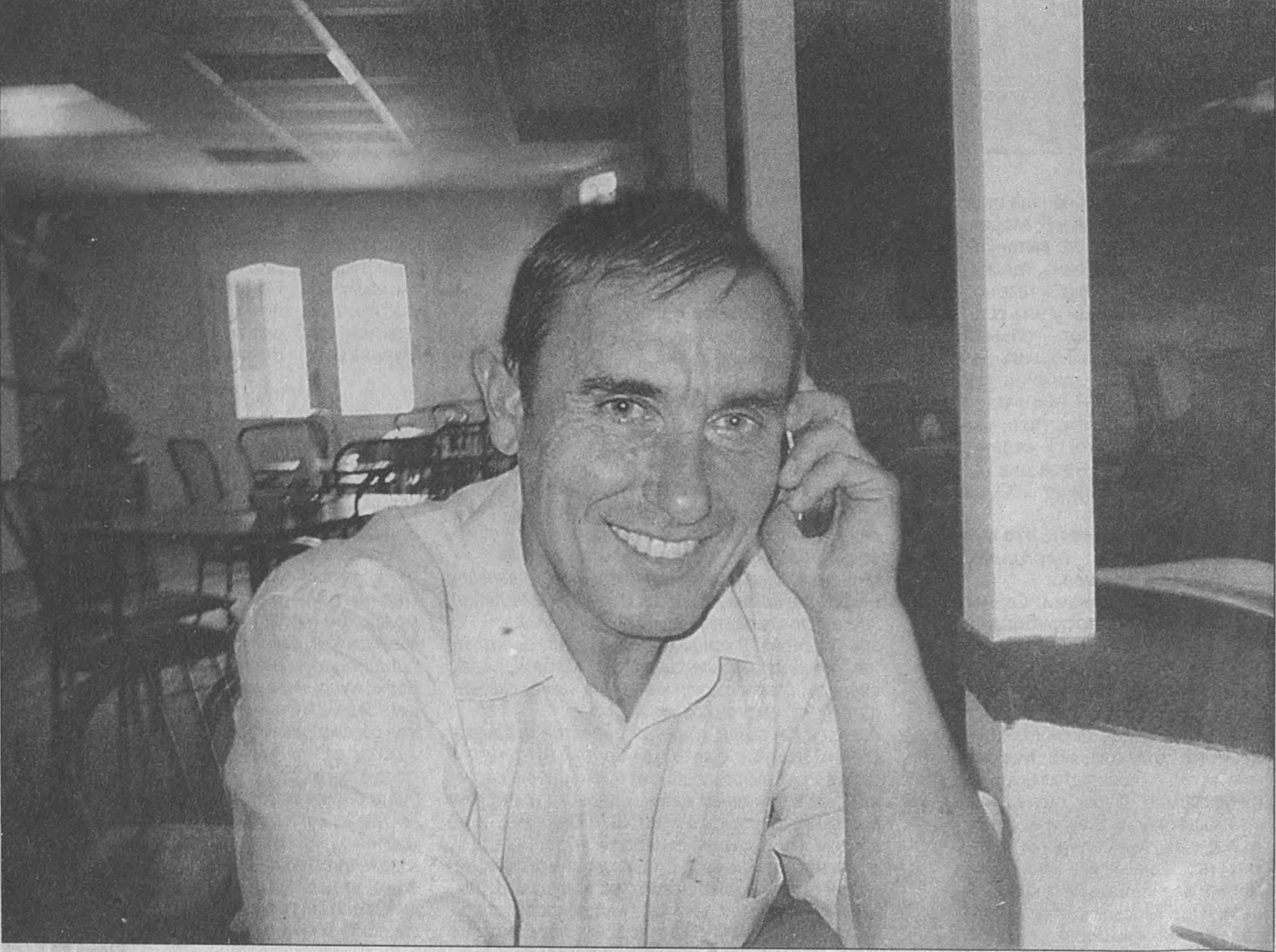
Конкретно? А просто — ТВ-ведущий Дмитрий Киселев и писатель Виктор Ерофеев нашли на Украине 120 тысяч долларов на постройку достойной площади перед домом Волошина. И 5 июля состоялось открытие этой прекрасной площади — вы видели по НТВ?

На новой прекрасной площади перед Домом Поэта, освобожденной наконец от ларьков и семечек, впервые в истории Коктебеля прошел фантастический праздник мирового масштаба — ураганный международный джазовый фестиваль! Два огромных оркестра, знаменитые писатели и поэты! Концерт длился до утра, пришли тысячи, не было пьяных, публика и бизнесмены плакали от восторга. И, клянусь, у них были совершенно другие лица, не такие, как в мае! Подхожу к Полетавкину — улыбаются до ушей.

— Помните фразу Волошина: «Я не боюсь спать с открытой дверью. Ведь сюда приходят только восторженные души». Сегодня я видел эти души! С этого дня пошел отсчет жизни нового Коктебеля! — Борис Петрович улыбается. — Но — опять Волошинского, опять поэтического и волшебного — пусть по-новому! Одно ясно: с этого дня мириться с поселковыми ужасами уже никто не будет — ни туристы, ни жители! Почувствовали, как горюют, раз н и ц у! Остальное — решаемое. И решаете вы, те, кто приезжает! Так спасайте Дом Поэта, Коктебель, — занимайте места, навязывайте вкус, вытесняйте быдло!.. Скоро — столетие — ещё один рубель!

Что ж. Осмотрев новый Коктебель, я — с большим изумлением — информировал вас, дорогие читатели, что деньги в Дом Поэта уже пошли. Большие. Кадры, заверил Полетавкин, будут. Вокруг Дома Поэта — тишина и чистота. Ни ларька, ни торговца. В трех кафе уже установлены европейские туалеты, а на улице Десантников — «лежачие полицейские». Машины едут тихо и вежливо. Музыкального грохота значительно меньше. Только собаки еще без намордников — и дерьмо не очень убирают! Но ведь...

Булыга — дал слово? Казарин — дал слово? Ложко — дал слово? Так, может, — поверим? Можем, — проверим? И — спросим?.. Скоро — столетие. Ну, держись, Булыга! Коктебель — Москва

Тот самый Алексей Булыга, который «обещал»